

Новые переводы

VR *От главного редактора.* Интерес к проблематике бедности и депривации в России в последние годы существенно возрос. Вашему вниманию предлагается перевод наиболее интересной части из книги Л.Моррис, в которой суммируются основные подходы к трактовке андекласса. Текст дается в редакции переводчика Марии Добряковой, магистр МВШСЭН.

Понятие *underclass*'а

Лидия Моррис

Lydia Morris, (1994), *Dangerous Classes. The Underclass and Social Citizenship*. L., N.Y.: Routledge, p. 80-110

Две проблемы, волновавшие Мюррея (Murray), – растущее количество чернокожих матерей-одиночек и уход чернокожей молодежи с рынка труда – оказались в центре вспыхнувшей в американской литературе дискуссии по поводу определений и объяснений появляющегося “*underclass*'а”. Сам термин подразумевает группу, в определенном смысле находящуюся за пределами основного общества, однако относительно природы и причины такого ее исключения единого мнения еще не сложилось. Согласно одной гипотезе (которой придерживается, например, Мюррей), зависимость от государственной помощи способствовала распаду нуклеарного семейного хозяйства, а также способствовала такой социализации и контркультуре, которые обесценивают труд и поощряют зависимость и/или преступность. Другая гипотеза подчеркивает неудачную попытку экономики обеспечить достаточную, надежную занятость, способную соответствовать спросу, а также последующую дестабилизацию роли мужчины как кормильца семьи. Согласно первой точке зрения, причина исключения лежит в отношениях и поведении *underclass*'а; согласно второй – в структурном неравенстве, которое ставит определенные группы в обществе в неблагоприятное положение. Сама природа этого структурного неблагоприятного положения является предметом горячих дебатов.

Понимание общественностью этого явления восходит к английской риторике девятнадцатого века, так что метафорическое утверждение о появлении в черной Америке двух наций неоригинально: “нация вне основного экономического потока – это отдельная культура неимущих, все более удаляющаяся от основных ценностей имущих”; “группы городского населения, угрожающие превратиться в заключенных постоянной бедности порока” (US News and World Report, цит. по: Katz, 1989: 197). Экономическая маргинальность, альтернативные ценности и девиантное поведение в тех или иных сочетаниях непременно встречаются во всех дискуссиях, касающихся *underclass*'а, а объемная концепция девиантности охватывает как преступное поведение, так и родителей-одиночек – то есть явления, косвенно взаимосвязанные. Одной из проблем при попытках разрешить этот спор является нечеткость определения, усугубляющая, в свою очередь, проблему объяснения.

Работа Кена Аулетты (Ken Auletta) во многом помогла популяризировать понятие *underclass*'а в США - этот термин он использует для обозначения "приблизительно 9 миллионов американцев, не подвергающихся ассимиляции" (1982: xvi). Представляется, что под ними Аулетта понимает тех, кто не может вырваться из бедности; при этом он выделяет четыре группы (на которые часто ссылаются):

- 1) пассивные бедные, обычно люди, в течение длительного времени получающие государственную помощь (значит, предположительно, матери-одиночки);
- 2) агрессивные уличные преступники, наркоманы;
- 3) полные сил люди, занятые в теневой экономике и в редких случаях вовлеченные в насильственные преступления;
- 4) травмированные пьяные, бродяги и психические больные.

Аулетта принимает понятие "*underclass*" вследствие его гибкости (Auletta 1982: 26), которая в то же время порождает концептуальную проблему: "Аулетта, следуя традиции социальных критиков девятнадцатого века, смешивавших преступность, бедности невежество во взаимосвязанный комплекс моральной патологии, соединяет несопоставимые группы в один класс (Katz, 1989: 201).

Аулетта подчеркивает их положение "аутсайдеров" с точки зрения как поведения, так и материальных стандартов жизни, однако его определения несут и некую моральную нагрузку. Каждая из групп потенциально может быть осуждена за ее поведение: зависящие от государственной помощи - за их пассивность, а остальные - за нарушения ими законов или недостаток самодисциплины. Однако, как он верно отмечает, все споры строятся вокруг проблемы, следует ли считать поведение причиной или следствием структурной позиции (Auletta 1982: 31). В работе Мюррея встречается объяснение, основанное на "рациональном выборе", причем самая большая ответственность лежит на характере государственного обеспечения: "Неправильно навязывать правила, в результате действия которых поведение, разрушающее будущее подростков, становится рациональным" (Murray 1984: 219). Выбор индивидом зависимой позиции подстегивается, по его мнению, социализацией, снимающей с него ответственность за неудачу, - а это, как говорят, и является результатом социальной политики после 1964 г.

Культуре уделяется значительно больше внимания в более ранних работах, не принимающих однозначно понятие *underclass*'а. Наиболее известным и цитируемым является, наверное, объяснение культуры бедности Оскаром Льюисом (Oscar Lewis). По его мнению, для бедных характерны такие отношения и поведение, которые порождаются опытом жизни в бедности и представляют собой попытку выжить и смириться с очень ограниченными перспективами и средствами. Такое поведение, будучи однажды принятым, развивается в самовоспроизводящую субкультуру, играющую впоследствии причинную роль в неблагоприятном положении следующего поколения. "К тому времени, когда дети трущоб достигают шести- или семилетнего возраста, они, как правило, уже впитывают основные ценности и отношения своей субкультуры и они не настроены на то, чтобы целиком воспользоваться изменяющимися условиями или улучшающимися возможностями, которые могут им встретиться в жизни" (Lewis, 1968: 6). Аналогичным образом через несколько лет Бенфильд (Banfield, 1968) описывает культуру низшего класса, разрушающую и способность к труду, и стабильность интимных отношений.

Концепцию "культуры бедности" обычно критикуют за то, что объяснение бедности лежит не там, где должно - то есть не в экономической структуре, за то, что вместо

этого она поощряет восприятие неблагоприятного положения как порождаемого фаталистической ориентацией и недостатком мотивации со стороны индивида; в результате бедность самовоспроизводится от поколения к поколению. Тем не менее, элементы подхода Льюиса встречаются даже в работах тех, кто пытается утверждать, что настоящим источником неравенства является социальная и экономическая структура.

Структурные концепции

Наиболее ярким примером структурного объяснения *underclass*'а является объяснение Уильяма Джулиуса Уилсона (William Julius Wilson), хотя даже и в его общем подходе есть несколько спорных моментов. Основные разногласия вызывает вопрос, является ли причиной неблагоприятного положения чернокожего населения цвет его кожи или же его классовая позиция. Любой аргумент, предполагающий, что раса - основная причина неблагоприятного положения, рискует возродить евгенику - что мы ниже и увидим. Однако любой аргумент, отрицающий определяющее положение расовых факторов, также провоцирует оппозицию тем, что он отрицает постоянное влияние предубеждений и дискриминации. В своей ранней работе "Снижающаяся значимость расы" Уилсон утверждает (1978: 1):

"В последние годы расовые отношения в Америке подверглись фундаментальным переменам, настолько сильным, что теперь жизненные возможности чернокожих индивидов больше связаны с их экономической классовой позицией, чем с их ежедневными столкновениями с белыми."

В своей книге Уилсон ссылается на "огромный *underclass* чернокожих пролетариев - на массу населения, занимающую самый низ социально-классовой лестницы, бичом которой являются плохое образование, низкая оплата труда и нестабильная работа". Таким образом, он определяет *underclass* по цвету кожи, а точнее - по его уязвимости на рынке труда, без ссылки на поведенческие, моральные или культурные факторы. Хотя *underclass* определен по расовому признаку, объясняется он с классовой точки зрения. Спорным моментом в его аргументации является утверждение о том, что традиционные барьеры, препятствующие социальной мобильности чернокожих, "рухнули под тяжестью политических, социальных и экономических перемен эпохи борьбы за гражданские права" (с. 1).

Несмотря на это утверждение, Уилсон приводит данные, которые демонстрируют значительно более неблагоприятное положение чернокожих по сравнению с белыми в отношении занятости. Он утверждает, что с 1954 г. отношение белых безработных к чернокожим безработным постоянно составляло примерно 1:2 и что в середине 1970-х уровень безработицы среди чернокожих подростков в 2,5 раза превышал уровень безработицы белых. Кроме того, вместе с ростом безработицы росло также и число чернокожих подростков, выбывающих из состава рабочей силы (с. 91-2). По его мнению, это следует объяснять изменениями в экономической структуре, которые влияют на чернокожих, занимающих низшие классовые позиции, не в силу их этнической принадлежности как таковой, а в силу их положения в структуре занятости. Отмирание производства в центре города сопровождалось ростом занятости среди "белых воротничков", создавая спрос на хорошо образованных работников и уменьшая потребность в низкоквалифицированных работниках.

Уилсон, в той же работе, где он говорит о непропорционально высоком уровне безработицы среди чернокожей молодежи, упоминает и повышенный удельный вес

чернокожих - от 16% до 24% в период с 1964 по 1974 гг. - среди занимающих высокие технические, профессиональные и административные позиции (Wilson, 1978: 102). Этот пример приведен здесь для того, чтобы подчеркнуть прежде всего классовое объяснение *underclass*'а. Однако увеличение числа возможностей для высококвалифицированных чернокожих работников имело мало значения для противоположной части классового спектра. Хотя возможности занятости в промышленности расширились, это произошло за пределами "внутреннего города", где сконцентрировано бедное чернокожее население, в то же время наблюдалось "бегство на окраины" - как предприятий, так и относительно зажиточного населения, чернокожего и белого.

Говоря о том, что чернокожие бедняки видят в работе источник самоуважения и что они, тем не менее, могут потерять желание искать работу вследствие "длительного недостатка успеха", Уилсон несомненно затрагивает вопросы, касающиеся поведения и ценностей. Чтобы сделать эту концепцию более убедительной, он ссылается на исследование Либау (Liebow), проведенное в 1967 г., и идет дальше, говоря, что чернокожие могут презрительно относиться к низкооплачиваемой лакейской работе:

"Сегодня работники реже идут на ту низкооплачиваемую и лакейскую работу, на которую их деды и отцы с готовностью соглашались. В определенной степени такая перемена в их отношении связана с революцией поднимающихся ожиданий - не только для чернокожих бедняков, но и для всех граждан Америки... многие чернокожие бедняки впитали ценностипорожденные движением за гражданские права и распространенными среди чернокожих другими движениями протеста - ценности, которые будоражат их гордость и откровенно отвергают то мнение, что меньшинствам, поставленным в неблагоприятное положение, следует довольствоваться системой неравных вознаграждений" (Wilson 1978: 108).

Так же, как и другие (например, Пайвен и Кловард) (Piven and Cloward 1971), Уилсон предполагает, что в этом смысле ожидания чернокожих южан, мигрирующих в северные города, были ниже ожиданий чернокожих, рожденных на Севере, и что вторая группа была более склонна прибегнуть к преступлению или государственной помощи как к заменителям неприемлемой работы.

В отношении чернокожих родителей-одиночек Уилсон также считает это фактором, связанным с классом, а не с черным цветом кожи как таковым:

"Увеличение среди чернокожих бедняков домохозяйств, возглавляемых женщиной, является следствием того, что плохо обученные и плохо образованные чернокожие мужчины имеют все меньше и меньше возможностей получить высокооплачиваемую работу, и, следовательно, им становится все труднее удовлетворять качествам, ожидаемым от кормильца семьи" (с. 132).

Он также приводит утверждение Стэка (Stack, 1974) о том, что "система общественной помощи способствует ослаблению позиции чернокожего мужчины", несмотря на то, что с 1990 г. AFDC (помощь семьям с детьми-иждивенцами) была доступна во всех штатах для домохозяйств с безработным отцом. Может показаться, что Уилсон не оспаривает поведенческих характеристик, которые другие (например, Аулетта, Мюррей) использовали при определении *underclass*'а, однако он считает их второстепенными для подспудных структурных сил, воздействующих на безработицу, и для незначительных перспектив городского чернокожего населения. Далее, однако, он утверждает, что экономические и политические изменения так сформировали классовую структуру чернокожих, что все труднее становится говорить об "их едином

или универсальном опыте” (с. 144). По его мнению, это тоже имеет особое значение для чернокожего underclass’a.

Реально депривированные

Уилсон развивает свои аргументы дальше, обращаясь в работе “Реально депривированные” (1987) непосредственно к дебатам, касающимся городского underclass’a, к дебатам о роли культуры и структуры. Определение underclass’a, предложенное в указанной работе, лишь незначительно отличается от определения, уже приведенного выше:

“Индивиды, которым не хватает опыта и умений и которые или переживают период длительной безработицы или не входят в состав рабочей силы; индивиды, участвующие в уличных преступлениях, а также те, чье поведение отклоняется от нормы в любой другой форме; домохозяйства, долго живущие в бедности и/или в зависимости от помощи государства” (Wilson, 1987: 8).

Его акцент сместился с нестабильной занятости к отсутствию занятости; кроме этого, определение стало включать преступность и зависимость от государственной помощи. Дженкс (Jencks, 1992: 150) делает несколько интересных замечаний, важных для определения размера underclass’a: бедные домохозяйства, возглавляемые не-студентами моложе 65 лет, которые работали в предыдущем году менее 48 недель, составили в 1968 г. 5,7% и в 1987 г. - 8,7%. Если исключить инвалидов, то процент уменьшается до соответственно 3,9% и 6,7%, а если включить только тех, кто вообще не работал в предыдущем году, то получается соответственно 1,9% и 3,2%. Второе определение Уилсона исходит из минимального подхода, который более или менее соотносится с четырьмя группами, выделенными Аулетта. Однако он утверждает, что: “Независимо от того, каким термином это называть, нельзя отрицать, что домохозяйства “внутреннего города” (см. ниже), а также индивиды, чье поведение резко отличается от поведения основной массы американцев, имеют тенденцию объединяться в группы” (Wilson, 1987: 7).

То, что в дискуссиях явно доминировал консервативный акцент на альтернативной системе ценностей, неблагоприятном воздействии правительственных программ и недостаточной инициативе индивида, Уилсон объяснял неудачной попыткой исследователей-либералов принять участие в дискуссии в полную силу. Существовала тенденция или вообще избегать проблемы underclass’a, отрицать действенность самого понятия и пользоваться избирательными доказательствами того, что underclass не существует, - или же соглашаться с тем, что такое явление имеет место и связывать его с расизмом.

Когда же исследователи-либералы погружались в дебаты с головой, они выстраивали оппозицию объяснениям, основывающимся на культуре, - т.е. объяснениям, согласно которым явление underclass’a есть субкультура не-работы, преступности и беззакония. Они считают культурный подход тавтологичным, поскольку ценности оказываются следствием поведения, а поведение, в свою очередь, объясняется в его связи с субкультурной системой ценностей (Wilson, 1987: 15). Противоположная позиция подчеркивает структурные корни опыта underclass’a - с точки зрения или расизма, или классовой структуры. Хотя Уилсон принимает все черты underclass’a, приписываемые ему в консервативной литературе, - большое количество матерей-одиночек, зависимость от государственной помощи, бедность, безработицу и насильственные

преступления - он стремится сконструировать более обстоятельное и глубокое объяснение, чем те, что были предложены как левыми, так и правыми.

В таком объяснении историческая дискриминация играет гораздо более важную роль, чем современный расизм, ее наследием, в числе прочего, является и большое количество низкоквалифицированного чернокожего населения “внутреннего города”. В то время, когда шел процесс ограничения иммиграции, миграция бедных чернокожих с Юга способствовала концентрации большого количества чернокожего населения в городах Севера. Являя собой отличную от других и постоянно растущую группу, для которой не было четкой позиции в структуре занятости, чернокожие стали объектом стереотипизирования и возмущения. Говорят, что вновь прибывшие с Юга пошатнули позицию всех чернокожих и утвердились как население, поставленное в неблагоприятное положение, занимающее нижние позиции в иерархии занятости, население, особенно чувствительное к изменениям в экономике. Уилсон считает, что именно это наследие, а не ныне действующие расистские отношения, создало предпосылки для появления чернокожего городского *underclass*'а.

Резкое увеличение внутри городов Севера количества молодежи, принадлежащей к меньшинствам, произошло во время экономической перестройки, обусловившей появление новых требований к образованию работников; эти факторы породили несоответствие между спросом на рабочую силу и ее предложением на рынках труда. Выдвигая этот аргумент, Уилсон использует работу Казарда (Kasarda, 1986) и ссылается на цифры, демонстрирующие концентрацию безработных подростков в семьях с низкими доходами и растущее выбывание чернокожей молодежи из состава рабочей силы (ср. с Мюрреем). В то же время, происходил отток небедных чернокожих на окраины - что приводило к концентрации бедных внутри городов; в результате складывалась “социальная среда, существенно отличавшаяся от среды, которая существовала в этих же общинах несколько десятилетий назад” (Willson: 58). Таким образом, неработающая чернокожая молодежь не имела положительных ролевых моделей и была лишена неформальных контактов, которые могли бы дать информацию, оказать влияние или поддержку при поиске работы. Уилсон утверждает, что основным теоретическим понятием здесь является не культура бедности, а социальная изоляция: “*underclass* существует главным образом по причине крупномасштабных и неблагоприятных перемен на рынке труда и порождаемой этими переменами пространственной концентрации бедноты в определенных районах, а также вследствие изоляции таких районов от более зажиточных частей чернокожей общины” (Wilson, 1991: 5).

Некоторые (Gans, 1990), однако, утверждают, что термин “*underclass*” стал настолько размытым, что не стоит его больше использовать. Уилсон (1991) принимает эту позицию, предлагая взамен термин “бедные, живущие в гетто” (*ghetto poor*) и призывая уделять “больше внимания исследованию и теоретическим вопросам, а не заострять его на спорных понятиях и вешании ярлыков” (с. 5). Он утверждает, что одной из целей такого исследования должно быть соединение структурного и культурного подходов, хотя я склонна предположить, что такое объединение непременно приведет к главенствующему положению того или другого. По мнению Уилсона, стратификация в индустриальном обществе не ограничивается материальными различиями, а простирается также и на различный культурный опыт. Этот опыт “сформирован существовавшими и существующими экономическими и политическими структурами”, приводящими к тому, что “различие групп по стилю жизни нормам и ценностям связывается с различиями в доступе к организационным каналам привилегий и влияния” (Wilson: 1). Значит, существует связь между структурной позицией и

соответствующей культурной ориентацией и привилегиями. Это очень веский аргумент, и неявно он противоречит любому утверждению о том, что определенный набор ценностей и отношений является причинным по отношению к структурно неблагоприятной позиции. Как бы то ни было, возможно, утверждение Уилсона и может соединить структуру культуры, но сила объяснения лежит в данном случае в структуре, и в этом смысле разрыв между культурой и структурой остается.

Теперь предметом его собственного исследования стала география возникновения концентрирующейся в гетто бедности – явления, возникшего в основном в двух регионах: на Северо-Востоке и Среднем Западе. Здесь перестройка промышленности привела к потере рабочих мест для “синих воротничков”, эти потери частично были компенсированы посредством переработки информации, возникло также несоответствие между проживанием рабочих в центре города и размещением рабочих мест на окраинах. Это вызвало миграцию молодой, более образованной части чернокожего населения на окраины, а также появление населения, поставленного в неблагоприятное положение, отделенного от производства, загнанного в центры метрополий. “Основной проблемой проживающих во внутригородских гетто является отсутствие работы, которое усугубляется растущей социальной изоляцией обнищавших районов, что отражается, например, в быстром уменьшении доступа к информации относительно имеющихся рабочих мест” (Wilson, 1991: 9). Дженкс (1992: 123) также соглашается с гипотезой о таком несоответствии и отмечает трудности, испытываемые обитателями центров городов, при поиске работы, которая, может быть, и имеется на окраинах, но которая для них недоступна, даже если им и посчастливится преуспеть в поиске. Ситуация обостряется нежеланием окраинных производителей размещать объявления внутри городов, так как они не желают давать работу тем, кто может по ним обратиться.

Значимость расы

Дженкс заостряет внимание на том, что чернокожие занимают более неблагоприятное положение, чем белые, даже если у них одинаковый уровень образования. Он предполагает, что частично это можно объяснить “культурным конфликтом” (1992: 129), - он, таким образом, возвращает расе ее прежнее центральное место в дебатах. За некоторое время до этого Файнштейн (Fainstein, 1987) оспаривал выпады в дискуссиях по поводу *underclass*'а, особенно работы Уилсона (1987) и Казарда (1985, 1986). Утверждение о несоответствии умений предполагает, что чернокожий *underclass* отчасти является следствием уменьшающейся роли перерабатывающей промышленности и возрастающего значения наукоемких отраслей промышленности, из которых исключаются плохо образованные; *underclass* также является следствием бегства на окраины чернокожего среднего класса, стремящегося подняться по социальной лестнице. Файнштейн желает подчеркнуть роль расы в перспективах занятости и карьеры, делая особый акцент на том, что, пока “чернокожие бедные тонут экономически, чернокожий средний класс не поднимается” (1987: 403). Он аргументирует это тем, что городские чернокожие не столько зависят от уменьшающегося перерабатывающего сектора, сколько страдают от того, что в любой отрасли промышленности им доступны в основном низкооплачиваемые работы, и это является следствием расовой дискриминации.

Главное же, о чем говорит Файнштейн, - это то, что анализ позиции бедных чернокожих должен быть отделен от анализа более зажиточных чернокожих. Таким образом, он показывает, что безработица среди чернокожей молодежи не только

непропорционально высока среди тех, кто происходит из семей с низкими доходами, но и значительна для тех, чьи семьи имеют доходы выше средних (1987: 416). Если разделить все население по уровню доходов на пять частей, то оказывается, что доходы чернокожих самой низшей (пятой) группы уменьшились по сравнению с белыми, то же было и в четвертой группе, а позиция высших групп с середины 1970-х гг. перестала улучшаться. Файнштейн заключает, что “данные демонстрируют то, что межрасовые различия перевешивают неравенство среди чернокожих, что так называемый чернокожий средний класс, выделяемый по уровню доходов, относительно мал и его доходы невелики по сравнению с доходами белых, а также что позднее его позиция не улучшалась в течение более чем 10 лет” (1987: 426).

Он предполагает, что Уилсон преувеличил различие между двумя группами чернокожего населения, так как даже самые хорошо оплачиваемые категории чернокожих отстают от белых. Файнштейн идет дальше и говорит, что этот аргумент противоречит действительной структуре занятости чернокожего населения. Приводя в качестве примера Нью-Йорк, он утверждает, что чернокожие недопредставлены по сравнению с белыми в сужающемся перерабатывающем секторе и что их удельный вес относительно высок в “бело-воротничковых” отраслях промышленности. Он также отвергает предположение, что чернокожие уменьшают свои возможности нежеланием перемещаться в районы, где появляется много вакантных мест, на непрестижную низкооплачиваемую работу, предпочитая оставаться там, где государственная помощь больше. Файнштейн верно отмечает, что “чернокожие мужчины почти никогда не получают государственного пособия и их надо поддерживать скрытым образом на скудных выплатах, выделяемых женщинам с детьми-иждивенцами” (с. 438).

Он также ссылается на важность существования неформальных связей, обеспечивающих как поступление информации о работе, так и помощь работодателям при отборе работников. Как предполагает Уилсон, концентрация чернокожей бедной молодежи в одном районе будет работать против нее. Также, по мнению Файнштейна, расовые предрассудки будут препятствовать продвижению в работе, а любое утверждение, что адресная их поддержка государством достигла своей цели, неубедительно. Утверждение Элвуда (Ellwood) сходно с утверждением Файнштейна в том, что удаленность места жительства от места работы не объясняет высокий уровень безработицы среди чернокожих. Сопоставляя безработицу среди чернокожих в разных районах Чикаго, Элвуд обнаружил одинаково высокий ее уровень, хотя Казарда (1980) и считает, что по своему местоположению районы отличались друг от друга незначительно. Как бы то ни было, поскольку степень безработицы среди чернокожих и среди белых в *одном и том же* районе города однозначно различна, Элвуд приходит к выводу, что неблагоприятное положение черных объясняется “расой, а не пространством”.

Здесь мы наблюдаем разногласия *внутри* широкого структурного подхода к *underclass*'у по поводу того, какие факторы - расовые или экономические - дают верное объяснение. Хотя и невозможно отрицать, что в городской экономике произошли изменения, усилившие уязвимость чернокожего бедного населения на рынке труда, все же представляется, что такой подход игнорирует все еще имеющую место расовую дискриминацию, с которой сталкивается чернокожее население на всех уровнях занятости. Как бы то ни было, нет разногласий по поводу того, что чернокожий *underclass* не может вырваться из нищающих районов города. И отсутствие достаточного количества подходящих рабочих мест, и бегство жителей с лучшими перспективами, способствовало обнищанию этих районов, что скорее всего приведет к предсказываемой Уилсоном социальной изоляции *underclass*'а. В этом смысле

структурный подход, основанный или на расовой дискриминации, или на экономических изменениях, сплетается с культурным подходом, акцентирующем внимание на том, что это “районы, которые оставила коммерция, районы, где сводники, торговцы наркотиками и безработные бездомные заменили работающих отцов как главенствующих социализирующих агентов” (Kazarda 1989: 45).

Вакуэнт (Wacquant) и Уилсон стремятся подчеркнуть, что существуют районы гетто, существенно отличающиеся от бедных районов, населенных чернокожими. В последних две трети населения работает, а одна - нет, тогда как в первых соотношение обратное, или 61% взрослых не работает (Wacquant and Wilson 1989: 16). Это особенно интересно в свете данных о длительной безработице Дженкс (1992: 155) утверждает, что степень *кратковременной* безработицы была стабильной примерно для 7% белых мужчин и 10% чернокожих в течение периода с 1963 по 1987 гг., что позволяет предположить наличие рабочих мест для части работников. Однако подобное утверждение слишком расходится с резким ростом уровня продолжительной безработицы среди черных мужчин: с 1% среди белых и 4% черных в начале 1960-х до 2% и 6-8% соответственно в 1985-1987 гг. По мнению Уилсона и Вакуэйнта, объяснение не следует ограничивать индивидуальной, моральной точкой зрения, подчеркивающей недостаток заинтересованности, и исходить при объяснении из “совокупной структурной западни”, одним из измерений которой является скудность “социального капитала”.

Здесь следует отметить еще один аспект интерпретации расовых различий - начинающееся возрождение генетического подхода. Дженкс (1992) поднимает эту проблему в своей работе “Переосмысливая социальную политику”, однако его утверждение представляется неясным и запутанным: “Вывод, что вероятность совершения насильственных преступлений чернокожими в два раза выше, чем белыми, почти неизбежен. Это означает, что гены, определяющие цвет кожи, также тесно коррелируются в США с насильственной преступностью, как и гены, определяющие пол” (с. 98). Ему не удается достаточно убедительно подчеркнуть различие между корреляцией и причинностью, и он идет дальше, утверждая: “Примеры пола и расы позволяют предположить, что наследственность и окружающая среда не являются взаимоисключающими объяснениями человеческого разнообразия, поскольку гены могут влиять на поведение посредством своего влияния на окружающую среду” (с. 100).

Проблема окружающей среды и наследственности уже рассматривалась при обсуждении *underclass*'а, и генетическое объяснение оказалось недостаточно убедительным. Конечно, в отношении расовых различий представляется невозможным отделить предполагаемое генетическое влияние от факта видимого социального различия, а также все то, что вытекает из него вследствие стереотипизирования и дискриминации Лэйн (Lane 1985), например, говоря о Филадельфии конца XIX века констатирует, что количество преступлений, совершенных чернокожими, было прямо связано с недопущением последних к рабочим местам, в сфере как умственного, так и физического труда, то есть его взгляд близок к утверждению Уилсона о связи между экономическими и культурными интерпретациями.

Родители-одиночки

Другой стороной позиции Уилсона в отношении *underclass*'а является вызов, который он бросает утверждениям относительно изменения структуры семьи под влиянием государственной помощи. Позиция Уилсона уже была затронута в предыдущей главе, однако ее дальнейшее упоминание в контексте теоретической дискуссии по поводу

underclass'a оправдано. Гипотеза, выдвигаемая в настоящее время такими авторами, как Мюррей (1984), отличается от того особого внимания, которое прежде уделялось "семьям, возглавляемым женщинами", внимания, подчеркивавшего роль структурных условий, разрушавших экономические перспективы чернокожего населения. Позиция Уилсона соотносится с этим взглядом, характеризуя безработицу среди мужчин как "единственный важный фактор, послуживший причиной возросшего количества незамужних матерей среди бедных чернокожих женщин" (1987: 73). Не влияние государственной помощи, а падение предложения "подходящих для женитьбы мужчин" представляется ему настоящим объяснением распространения матерей-одиночек.

Уилсон утверждает, что экономические условия для чернокожих мужчин ухудшаются с конца второй мировой войны, а их доля в составе рабочей силы снизилась с 84% в 1940 г. до 67% в 1980 г. Он приводит доказательства того, что вероятность развода уменьшается с возрастом, поскольку отсутствие работы для чернокожих, особенно, если оно сочетается с высоким уровнем смертности и судимости, играет огромную роль в снижении "показателя численности подходящих для женитьбы мужчин". В течение длительного времени уменьшалось количество чернокожих мужчин, занимающих позицию кормильца семьи. Однако Уилсон опирается также и на нормативные или "культурные" объяснения, ссылаясь на работу Хогана и Китагава (Hogan and Kitagawa 1985), показывающую значительно большее число беременных девочек-подростков в социальной среде, характеризующейся "большим риском". Факторами "риска" являются низкий классовый статус, проживание в бедных внутригородских районах, проживание в семье, возглавляемой женщиной, с пятью или более детьми, сестрой-подростком, имеющей ребенка, а также недостаточный контроль родителей за контактами дочерей. Он также ссылается на данные, показывающие значительно более позднее ожидание замужества среди чернокожих, чем среди белых, что связано со "скудным брачным рынком", с которым сталкиваются чернокожие женщины (Hogan, 1983). Уилсон интерпретирует эти данные как дополнительные доказательства влияния социальных структурных факторов, несмотря на то, что появление нормативных ожиданий, окружающих брак и рождение ребенка, показывает гораздо более сложную динамику, иллюстрирующую, как утверждает сам Уилсон, связь структурных и культурных сил (1991).

Предположение Мюррея о том, что выплаты AFDC отбивают охоту к труду, опровергается тем, что их сумма упала с начала 1970-х, а также тем, что она не превышает заработок на оплачиваемой работе. Опровергая гипотезу Мюррея, Уилсон утверждает, что реальные объемы государственной помощи не поднимались с 1960-х до середины 1970-х гг., оставаясь стабильными и после. К 1984 г. сумма государственных пособий была лишь на 4% больше их объема в 1960 г. и на 22% меньше, чем в 1974. Сейчас же, начиная с 1975 г., налоговый кредит на заработанный доход (the Earned Income Tax Credit) повысил стимулы к работе для низкооплачиваемых работников, которым пособия выдавались также и в натуральной форме. Таким образом, если соотношение государственной помощи и зарплаты действительно повлияло на типы семейного хозяйства и брака, тогда в 1970-х тенденция к увеличению количества матерей-одиночек должна была бы повернуть вспять, а не усиливаться.

Дженкс (1992: 158), однако, утверждает, что недельный заработок мужчин из низшего по уровню зарплаты дециля упал на 25% между 1970 и 1987 гг., так что соотношение зарплата/государственная помощь мало изменилось. Он стремится изменить точку зрения Уилсона, предполагая, что сравнение в утверждении последнего о безработице

чернокожих неверно: “Мальчишки-подростки, даже когда они имели работу, никогда не зарабатывали достаточно, чтобы поддерживать семью, и они редко женились даже в 50-х... В 1960 г. менее 4% (16-19-летних) чернокожих мужчин, имевших тогда работу, были женаты.” Он также утверждает, что, согласно данным Уилсона, количественное отношение подходящих для женитьбы чернокожих мужчин 25-44 лет к женщинам оставалось в период с 1950-х до 1960-х гг. стабильным и составляло 70 : 100, оно упало до 63 : 100 к 1982 г. - этого недостаточно, чтобы говорить об увеличении количества родителей-одиночек. Согласно Дженксу, именно на оставшуюся часть населения Уилсону следовало бы обратить внимание, поскольку между 1960 и 1980 гг. уменьшение числа регулярно работавших женатых чернокожих мужчин было почти так же велико, как и сокращение этой категории среди всех чернокожих мужчин. “Должно быть, брак теряет свою привлекательность также и по неэкономическим причинам” (1992: 133). Более того, чернокожие составляют уменьшающуюся часть получателей государственной помощи, и их доля упала с 45% в 1969 г. до 40% в 1987 г. (с. 170).

Наблюдения Дженкса показывают явный недостаток такого понимания *underclass*'а и ставят под сомнение верность подхода, который строится вокруг идеи об уменьшении количества индивидов, имеющих семью, поскольку брачная нестабильность ни в коем случае не ограничивается низшей социальной стратой. Это не та проблема, на основе которой можно провести четкую грань между *underclass*'ом и остальным населением. Необязательно также, что такой проблемой является длительная безработица, если она - просто результат уязвимости к отдельным аспектам экономических изменений. Такой проблемой остается лишь добровольное выбывание из состава рабочей силы, а также преступность, которая на самом деле может отражать неприятие общества, не соответствующего ожиданиям. Споры об американском *underclass*'е делятся по существу на две группы: одну интересует влияние экономических изменений и этнической дискриминации, другую - уход и оппозиция отдельной группы людей, находящихся в неблагоприятном положении. Одна концепция изучает процесс социального и экономического исключения, а согласно другой, угроза заключается в не-участии.

Британские дискуссии

Хотя дискуссия о природе и размере *underclass*'а наиболее полно развернулась в США, идеи, на которых она строится, вовсе не новы для Великобритании, причем это касается как возросшей заинтересованности культурой зависимости в 1980-х, так и исследований, проведенных в 1960-е и 70-е гг., и, возможно, наиболее примечательной здесь является работа “Круги депривации”, начатая в 1972 г. сэром Кейтом Джозефом, министром образования. Его волновало, “почему, несмотря на длительные периоды всеобщей занятости и относительного процветания, а также улучшения, наступившего после второй мировой войны в области социального обеспечения, депривация и проблемы неумения приспособиться к окружающей обстановке остаются столь заметными” (Rutter and Madge 1976: 3). Этот вопрос породил гипотезу о существовании кругов депривации. “Возможно, труд здесь сопровождается неким процессом, часто заметным, но не вполне осознаваемым, процессом, в ходе которого проблемы передаются от одного поколения другому...” (MacGregor 1981: 93).

Эмпирические исследования, направленные на изучение этого явления, несколько изменили используемые термины, отдав предпочтение “неблагоприятному положению”, а не “депривации и представив проблему так: передается ли депривация

от одного поколения другому каким-либо поддающимся наблюдению способом? Было решено, что неблагоприятное положение имеет тенденцию к концентрации во “внутреннем городе”, но вопрос о том, появляется ли оно там или же вызывается чем-то извне, остался открытым. Общим в проводимых исследованиях был набор проблем, очень схожий с набором проблем исследования самовоспроизводящейся “культуры бедности”, а также его современным эквивалентом - идеи, что *underclass* воспроизводит самого себя через социализацию, проходящую в бедности, а также через отсутствие подходящих ролевых моделей. В исследовании “кругов депривации” основным вопросом было: “Насколько продолжающееся существование неблагоприятного положения является результатом некой формы межпоколенной преемственности и насколько независимо от нее оно появляется в каждом последующем поколении?” (Rutter and Madge 1976: 303).

Возможно, и были какие-то доказательства семейной преемственности, однако такая преемственность была незаметной, и тем более выразительны замечания в заключительной части исследования, заслуживающие того, чтобы привести их здесь достаточно полно:

“Во-первых, даже там, где преемственность форм неблагоприятного положения сильна, отсутствие преемственности поражает. По меньшей мере, половина детей, рожденных в семье, находящейся в неблагоприятном положении, не повторяют в следующем поколении эту его форму. Более половины всех форм неблагоприятного положения появляются в каждом последующем поколении “с нуля”. С одной стороны, даже там, где преемственность наиболее сильна, многие индивиды разрывают круг, а с другой, многие оказываются в неблагоприятном положении, не будучи воспитанными родителями, находившимися в неблагоприятном положении” (Rutter and Madge, 1976: 304).

Оказалось также, что преемственность значительно слабее через три поколения, чем через два. Тем не менее это исследование не исключает возможности субкультурного влияния (с. 312), утверждая, что последнее имеет некоторое значение для преступности несовершеннолетних и их низкого коэффициента интеллекта (IQ), хотя в качестве общего объяснения оно все же “неудовлетворительно”. Аналогично, оказалось, что на коэффициент интеллекта более всего влияют генетические факторы, однако и в этом случае сильно воздействие окружающей обстановки. Влиянием генетических факторов можно было пренебречь в случае с достижениями на учебном поприще и в случае с преступностью несовершеннолетних. Что же касается безработицы, то упор делался прежде всего на внутрисоциальной и международной обстановке, особое же значение придавалось региональным особенностям. Таким образом, возможности для получения работы были в центре внимания, причем личностные факторы имели небольшое значение для уровня безработицы. Кроме того, невзгоды самого страждущего могут отражать как его индивидуальные особенности: возраст, недостаток мастерства или физическую несостоятельность, так и позицию отдельных социальных групп, отношение к ним, особенно это касается этнических меньшинств. Исследование лишь затрагивает явное неблагоприятное положение этнических меньшинств, однако отмечается низкий уровень занятости их членов и вытекающие из этого плохие перспективы иметь хорошее жилье, порождающие тенденцию к сегрегации по месту жительства (с. 314; ср.: Wilson 1991). Эта мысль занимает центральное место и в другом исследовании, проведенном в 60-е гг. (Rex and Moore 1967) и показывающем жилищную дискриминацию чернокожих и азиатских работников агентами по недвижимости, строительными компаниями и продавцами, в то время как местная система власти, пусть и не прямо, но систематично ставила их в

очень не благоприятное положение. Таким образом, эти люди были вынуждены покупать или снимать жилье в ограниченных территориях, что вело и к пространственной, и к социальной сегрегации. В этом отношении понятие “underclass” некоторое время использовалось для обозначения оказавшихся в подобной ситуации чернокожих людей (e.g. Rex and Tomplinson 1979: 16). Рекс и Томплинсон далее утверждают, что систематическое неблагоприятное положение в сфере и занятости, и жилья ведет к согласованной деятельности жителей района, которая может рассматриваться как проявление коллективного классового сознания.

Здесь Рекс и Томплинсон поворачивают дискуссию в сторону проблемы классового сознания и отмечают, что “чернокожие общины имеют некоторую тенденцию действовать в британском обществе как отдельный класс или как underclass” (с. 33).

В заключение они утверждают:

“Нельзя считать, что этот underclass имеет только отрицательные качества: те, что вызваны его оторванностью от материнского рабочего класса; напротив, следует допустить мысль о том, что он представляет... более сложный политический конфликт, возникающий от реструктурирования прежде империалистического общества” (с. 275).

Эта точка зрения была подхвачена и в более современных работах, например, о значении для появления новых, основанных на этнической идентификации социальных движений политической динамики, которая вытесняет социальный класс (Gilroy 1989). Кроме того, утверждение Рекса и Томплинсона помещает явление underclass’а в контекст истории и политики трудовой миграции, определения и боязни аутсайдеров, а также подчиненного положения, которое последние всегда занимают в стране, на территории которой они проживают.

Британское возрождение

Как исследование “кругов депривации”, так и изучение чернокожего underclass’а “внутреннего города”, доходят до структурных по своей сути объяснений, причем последнее - в большей степени, чем первое. Рекс и Мур являются предшественниками теории Уилсона о социальной и пространственной сегрегации, а Раттер и Мэдж следуют теории “культуры бедности”, хотя в значительной мере и опровергают ее. Как и в Америке, Чарльз Мюррей (1990) сыграл важную роль в том, что на понятие “underclass” вновь обратили внимание. Он утверждает, что “различие между Соединенными Штатами и Великобританией заключается в том, что Штаты первыми достигли будущего” (с. 2). Используя метафоры “чума” и “болезнь”, он утверждает, что underclass, характеризующийся большим количеством незаконнорожденных детей, насилием и выпадением из состава рабочей силы, растет и будет расти, поскольку нынешнее поколение детей уже воспитывается таким же образом. Конечно, это откровенно противоречит результатам исследования “кругов депривации”, но вторит анализу американского underclass’а, сделанного Мюрреем.

Первый поднятый Мюрреем вопрос касается корреляции удельного веса незаконнорожденных детей и социального класса. Районы с высокой концентрацией работников класса V (неквалифицированных работников ручного труда) обнаруживают примерно 40 процентов незаконнорожденных - в противоположность 9 процентам в районах с высокой концентрацией семейных хозяйств, возглавляемых работниками класса I. В отличие от ситуации в США, в Британии это не является особенностью чернокожих женщин, хотя удельный вес детей, рожденных ими вне брака, несколько выше - 48 процентов. Статистические данные относительно возможности иметь отца

неясны в том смысле, что 69 процентов незаконнорожденных регистрируются обоими родителями. Утверждается также, что зависимость от помощи государства, особенно в сочетании с отсутствием отца, обеспечивает плохую трудовую социализацию.

Британская система социальной помощи с самого начала была щедрее американской, предоставляя безработным мужчинам, вне зависимости от того, имеют ли они детей, право на помощь. Несмотря на то, что от молодых бездетных мужчин сейчас требуется пройти обучение, представляется невозможным связать напрямую явления родителей-одиночек и мужской безработицы, что было сделано в США такими исследователями, как Уилсон. Это тот случай, когда родителям-одиночкам выделяется немногим большая помощь, чем полным семьям. Мюррей подчеркивает, что помощь родителям-одиночкам с одним ребенком до пяти лет увеличилась с 22 долларов в 1955 г. до 36 долларов в 1987 г. и что в течение этого времени социальная стигматизация этого статуса стала значительно менее явной. Изменения в 1977 г. в регулировании жилищного вопроса также предоставили льготы на жилье родителям-одиночкам, попавшим в категорию “бездомных людей”, так что, в конечном счете, быть матерью-одиночкой стало значительно легче.

Джоан Браун несколько критически относится к точке зрения Мюррея. Хотя она и соглашается с большей частью его данных, она отмечает, что матери, никогда не бывшие замужем, составляют лишь одну четверть от общего количества матерей-одиночек, а также, что длительная зависимость от помощи государства чаще встречается среди разведенных матерей, чем среди матерей, никогда не бывших замужем: в 1987 г. 37 и 27 процентов соответственно находились в зависимости от государства пять и более лет. Она утверждает, что увеличившееся в 80-е гг. количество претендентов на длительное получение государственной помощи среди матерей, никогда не бывших замужем, можно было связывать с мужской безработицей, однако сейчас матери, никогда не бывшие замужем, не зависят долгие годы от помощи государства, поскольку в конечном счете они выходят замуж. Для женщин 18-49 лет сильно вырос уровень сожителства: 9 процентов одиноких и 30 процентов разведенных женщин жили с мужчинами в 1981 г., а в 1988 г. - соответственно 20 и 52 процента. “Имея эти цифры, мало смысла указывать как на особую опасность для общества на матерей-одиночек, а не на разведенных жен” (Brown, 1990: 46).

Далее, по ее мнению, концентрация матерей-одиночек в определенных районах является результатом жилищной политики, а не “заразным” влиянием, как это предполагает Мюррей. Общественные организации, занимающиеся жилищным вопросом, имеют тенденцию в первую очередь предлагать жилье, пользующееся наименьшим спросом, дома или жилые массивы, которые трудно сдать. Такая низкая популярность жилья случается обычно в малопривлекательных районах, что является причиной концентрации в них работников класса V и большого количества родителей-одиночек. Корреляция не всегда означает прямую объяснимую связь, и в данном случае представляется, что жилищная политика является промежуточным фактором. Вслед за теми, кто говорил об этом применительно к США, Браун предполагает, что и в Великобритании модели брака, местожительства и воспитания детей переживают революцию и могут породить проблему на нижнем конце шкалы доходов, но в то же время они характеризуют и все общество.

Бак (Buck, 1992) высказывает интересные мысли о родителях-одиночках, заостряя внимание на связи структуры семейного хозяйства и активности на рынке труда. Полные семьи, как правило, обнаруживают большую степень занятости и активности, чем семейные хозяйства с другой структурой, неженатый человек - не столь активен, а

родители-одиночки - еще менее. В 1982 г. 42 процента матерей-одиночек работали (по сравнению с 50 процентами замужних матерей), причем матери-одиночки чаще имели полный рабочий день, чем замужние матери (Martin and Roberts, 1984). Таким образом, изменения в структуре домохозяйств предполагают изменения и степени их активности (если, конечно, приведенные характеристики типов домохозяйств остаются постоянными). Однако падение уровня активности в период с 1979 по 1986 гг. не соответствует изменениям в структуре семей. Несмотря на то, что среди снизивших активность больше всего молодых одиноких родителей, *степень* ее снижения была намного большей в полных семьях, особенно в семьях с маленькими детьми (350 процентов против 40 процентов), тогда как их доля во всех неактивных семейных хозяйствах выросла с 20 до 38 процентов.

Имеются также данные и о положении молодых взрослых. В 1979 г. в 22 процентах семей с детьми старше 16 лет по крайней мере один ребенок работал, к 1986 г. их доля поднялась до 23 процентов. Что касается неактивных семей и родителей-одиночек, то в них эта доля в 1979 г. составила соответственно 26 и 19 процентов, снизившись к 1986 г. до 21 и 16 процентов. Можно считать, что это подтверждает утверждение Мюррея о вредном влиянии отсутствия примера работающего мужчины, хотя это также может быть и влиянием социальной сегрегации, описанной Уилсоном. Как отмечает Браун, родители-одиночки имеют тенденцию концентрироваться в непривлекательных домах. Однако более важным является тот факт, что уровень национальной безработицы существенно поднялся в описываемый период, повлияв на структуру семейного хозяйства.

Положение родителей-одиночек порождает особые проблемы социальной изоляции и низкой степени активности на рынке труда, наиболее же существенные перемены произошли в полных семьях с безработным отцом. Домашние хозяйства, основанные супружеской или сожительствующей парой, в 1986 г. все еще составляли 71,1 процента семей работающего возраста, родители-одиночки - 8,8 процента, а одинокие люди - 14,3 процента. Как бы то ни было, наиболее тревожным симптомом исследователям представляется выявленная в результате переписи 1991 г. (*Independent*, 10 April 1993) концентрация в некоторых внутренних районах Лондона домохозяйств, основанных родителями-одиночками; на них приходится одна треть всех проживающих в этих районах детей, а уровень безработицы достигает 25 процентов.

Преступность и праздность

“Закоренелый преступник - классический член *underclass*'а. Он живет вне основного общества, не принимая участия в его жизни” (Murray, 1990: 13). В Великобритании количество преступлений, связанных с посягательством на чужую собственность, выше, чем в США: 1,623 на 100 000 человек в 1988 г. (что непосредственно затрагивает 1,6 процента населения) по сравнению с 1,309 в США. Однако уровень насилия в Великобритании несопоставимо ниже. Говоря об этом, Мюррей не слишком старается вписать эти утверждения о росте преступности в свою теорию *underclass*'а. Цифры о росте преступности приводятся лишь в доказательство того, что Великобритания движется в том же направлении, что и США. Основной же мыслью является то, что в обществе существует группа, не впитывающая или же активно отвергающая ценности и нормы большинства. Хотя его комментарии по поводу обстановки в Великобритании и не показывают прямой связи между преступностью, уходом с рынка труда и явлением родителей-одиночек, его внимание к последнему в значительной степени связано с боязнью социализации молодежи в бедности.

Дарендорф также предлагает определение *underclass*'а, в котором подразумевается преступная деятельность:

“*Underclass* - это группа, сочетающая плохие жилищные условия и нехватку традиционных уз, свойственных классу даже с низким уровнем квалификации и отсутствием перспектив работы. Результатом является цинизм по отношению к официальным ценностям общества, сводящимся к работе и порядку. *Underclass* - это не революционная сила, а сила, заставляющая ощущать свое присутствие преступлениями, нарушениями общественного порядка, а также образующая изменчивую воинственную группу на одном из концов политического спектра” (*The Times*, July 1985).

В другом месте Дарендорф говорит, что общество ответственно за то, чтобы молодежь имела опору в будущем, прежде всего - нормальные перспективы работы. Он считает, что это, говоря словами Маршалла, право гражданства (1992: 58). Неявным образом, следовательно, количество преступлений связано с ухудшающейся экономической обстановкой, однако главная проблема касается разрушения социального порядка. Определение *underclass*'а Дарендорфом основывается на комбинации и связи этих двух явлений.

Мюррей идет дальше: “Если рождение детей вне брака является характерной чертой *underclass*'а, а насилие - показателем степени его развития, то доказательством того, что *underclass* уже сложился, является огромное количество молодых здоровых мужчин, имеющих низкие доходы и предпочитающих не работать” (1990: 17). Как и в работах девятнадцатого века об “осадке” [индивидах, “выпадающих” из основной массы общества в “осадок” - прим. перев.], здесь также все эти качества не жестко связываются друг с другом, однако эта связь не представляется обязательной. Безработные, особенно молодые, обвиняются в том, что они потеряли стремление работать (или никогда его не имели). Очевидно, это были опасения, всегда вызывавшиеся пособиями для безработных и никогда не бывшие достаточно обоснованными (см. ниже). Мюррей утверждает, что грань между безработными и экономически активными размывается тем, что огромное количество безработных обращается за пособием, когда ни одна работа не кажется им достаточно привлекательной. Другая часть безработных в действительности занята в теневой экономике и, таким образом, не относится к настоящим безработным.

Мюррей также обнаруживает связь безработицы и социального класса, что далеко от первоначальной гипотезы. Он использует термин “экономическая неактивность”, хотя его комментарии (отмеченные выше) и позволяют предположить, что он использует это понятие в широком смысле, включая в него безработицу. В любом случае, его гипотезы имеют несколько возможных обоснований. Используя данные переписи городских районов 1981 г., он утверждает: “Вы найдете больше людей рабочего возраста, которые не работают и не ищут работу, в трущобах, чем на окраинах” (1990: 18). Если он имеет в виду тех, кого официально именуют экономически неактивными, то под эту категорию попадают в основном престарелые пенсионеры, люди, рано вышедшие на пенсию, больные в течение длительного времени и инвалиды. Причиной того, почему такие люди чаще встречаются среди неквалифицированных работников ручного труда (социального класса V), является то, что их опыт оплачиваемой работы связан с ранним ухудшением здоровья и выбыванием из состава рабочей силы.

Если Мюррей определяет неактивность так, что определение включает официальную безработицу, то следует отметить, что связь между социальным классом и безработицей существовала давно: чем ниже стоит рабочий в классовой иерархии, тем

более он подвержен безработице. В 1986 г. - году, оказавшемся пиком безработицы в Великобритании, - квалифицированные работники ручного труда составляли 38 процентов экономически активного мужского населения и 41 процент всех безработных мужчин. Полуквалифицированные рабочие составляли 13 процентов экономически активных мужчин и 27 процентов безработных мужчин, неквалифицированные рабочие составляли 3 процента экономически активных мужчин и 11 процентов безработных мужчин (Morris, 1991). Для женщин соотношение было схожим, наиболее сильно отличались полуквалифицированные, составлявшие 22 процента экономически активного женского населения и 36 процентов безработных женщин. Чем менее специфичным умением обладает рабочий, тем легче его заменить, поэтому в случае сокращений первыми уйдут рабочие класса V. Поскольку сокращение связано также с оплатой и стажем, то от этих работников избавиться дешевле всего. Уязвимость в этой сфере усиливается тем, что защита профсоюза более вероятна для квалифицированных, чем для неквалифицированных рабочих, а еще большую защиту получают высококвалифицированные работники. Одной из причин этого является сложность восстановления в будущем численности этих работников. Существует региональная, городская и даже районная модель этого явления - из-за роли в экономической истории Великобритании крупных промышленных городов и из-за взаимодействия рынка труда и рынка жилья.

В 80-е гг. самый высокий уровень безработицы наблюдался в районах, на которых наиболее сильно отразился упадок в тяжелой перерабатывающей промышленности, в районах, где использовался главным образом мужской ручной труд (квалифицированный и неквалифицированный). Новые рабочие места, появившиеся в этих районах, касались сферы услуг, причем часто использовался неполный рабочий день, что было совершенно недостаточным для компенсации потери рабочих мест в промышленности. Неполный рабочий день чаще имеют не жены безработных, а жены работающих мужчин в домохозяйствах, где доход только мужа является недостаточным (Irwin and Morris, 1993). Крайне ограниченный выбор жилья для неквалифицированных рабочих с низкими доходами, не говоря уже о безработных, приводит к их концентрации в определенных частях города и даже в определенных жилых массивах, способствуя, таким образом, появлению в среде неработающего населения других уязвимых групп помимо, например, родителей-одиночек. Одним из значений пространственной концентрации безработицы является то, что безработные чаще всего вступают в контакт с другими безработными, а это негативно сказывается на перспективах взаимной помощи и возможности получить новую работу (Morris, 1992).

Зависимость или мошенничество?

Как уже отмечалось в вышеизложенной гипотезе Мюррея относительно безработного *underclass'a*, многие безработные обращаются за пособием, несмотря на то, что они не имеют намерения искать работу и соглашаться на нее. Другая концепция смешивает безработных с преступной категорией *underclass'a*, утверждая, что по сути дела они работают и, значит, обращаются за помощью незаконно. Обе эти точки зрения обсуждались в Отделе занятости (Department of Employment):

“Есть доказательства того, что заметная часть обращающихся за пособием не занимается активными поисками работы. Одни из них обращаются за пособием в то время, когда они заняты, по крайней мере, частично, в теневой экономике. Другие же,

видимо, привыкли жить на пособие и прекратили поиски работы, несмотря на растущее по всей стране количество вакантных мест” (1988: 55).

Страхи и голословные утверждения такого рода множатся с ростом безработицы, и, следовательно, обвинения в том, что слишком щедрая социальная поддержка создала в Великобритании “культуру зависимости”, людей, потерявших стремление или способность работать, сопутствуют обвинениям в том, что многие безработные все время работали. Здесь имеется в виду, что, по крайней мере, часть безработных, которую Мюррей называет *underclass*’ом, выбирает альтернативную систему ценностей, основанную или на зависимости от государства, или на мошенничестве.

Одним из подозрений, окружающих тех, кто обращается за пособием, является то, что, поскольку они работают, они имеют два дохода: заработанный и незаработанный. Распространенность такого рода злоупотребления была предметом несколько неубедительных рассуждений, усложненных тем, что деятельность в “неформальном секторе экономики”, то есть деятельность, обходящая систему национальных счетов, ни в коем случае не ограничивается безработными (см. Cooke, 1989). Если существует альтернативная культура, основанная на мошенничестве, то она охватывает далеко не только тех, кто обращается за пособием. В конце 70-х - начале 80-х гг. была выдвинута оптимистичная гипотеза (Gershuny, 1979; Pahl, 1980) о способности некоторых видов деятельности вне формальной структуры занятости заменять рабочие места, утраченные в формальном секторе. Более позднее исследование этой проблемы (Pahl, 1984) показало, что распределение возможностей в неформальном секторе экономики предвзято по отношению к безработным, и предпочтение отдается умениям, связям и ресурсам, которыми скорее обладают индивиды, занятые в формальном секторе. Размышления по поводу этой проблемы продолжались; в 1981 г., по подсчетам Rayner Report, 8 процентов безработных, обращавшихся за пособием, незаконно работали и одновременно обращались за пособием, а в 1989 г., по подсчетам Нормана Фаулера (Norman Fowler), эта цифра достигла 10 процентов (*Guardian*, 2 August 1989).

Этнографические данные о безработице показывают, что некоторые из тех, кто обращается за помощью, время от времени соглашались на оплачиваемую работу, хотя точно и не установлено, как часто это происходит. Джордан и др. (Jordan, 1992) подчеркивают неизменное значение, которое имеет работа для безработных: “Мужчины, характеризовали себя как активных, нуждающихся в работе для удовлетворения собственных потребностей и выполнения своей функции кормильца семьи. Безделье описывалось как скучное и разрушительное для самооценки и самоуважения” (с. 99). Однако “эта потребность оставаться активным, равно как и обеспечивать необходимый доход для семьи, используется для того, чтобы работать за наличные деньги (в теневой экономике - прим. перев.) и одновременно обращаться за пособием на основании отсутствия работы” (с. 101). Следует отметить, что выборка Джордана состояла лишь из 11 безработных мужчин, и детали, которые он приводит, довольно поверхностны. МакЛаughлин и др. (McLaughlin, 1989: 82) обнаружили, что только 8 из 110 индивидов однажды имели скрытые доходы, а еще трое выполняли работу, оплачиваемую в натуральной форме. Моррис (1984: 507) обнаружил, что за более чем 18 месяцев 12 из 26 безработных мужчин имели возможность неформальных заработков - хотя и не постоянной работы - и, часто, “случайных работ” для друзей. Выборка состояла из относительно молодых женатых мужчин, для кого необходимость и возможность увеличить доход больше, чем для других категорий населения. Джейн Ричи (Ritchie 1989) обнаружила лишь один случай неформальных заработков среди 30 безработных, но это была или временная, или случайная работа. Готовность принимать такие возможности увеличилась вместе с ростом безработицы и увеличением

финансовых трудностей. Все исследования подчеркивали, что работа была, как правило, непродолжительной, часто не более одного дня, что также отмечалось в исследовании, проведенном на северо-востоке Англии (Morris, 1987). “Заработки имеют тенденцию быть случайными крупными суммами, а не регулярными еженедельными доходами; в результате, хотя в какую-нибудь неделю индивиды и зарабатывали больше, чем это положено, в течение длительного времени их заработки оставались в среднем меньше этой суммы” (McLaughlin et al. 1989: 82).

Свидетельства такого рода указывают на устойчивую потребность в самоуважении, которое дает работа, а также на противоречия системы пособий, стремящейся сохранить независимость, но подавляющей инициативу в экономическом климате, где для определенной категории населения постоянная работа является просто неосуществимой целью. Существует также все больше доказательств того, что в Соединенном Королевстве, при грабительских процентах, под которые даются ссуды, безработные в отчаянии пытаются выжить на пособие (*Independent*, 15 December 1992). Значительная часть из имеющейся для безработных мужчин оплачиваемой работы является временной работой лишь на несколько дней, самое большее, недель, так что притягательность сокрытия своих доходов очевидна:

“То, что казалось бы очевидной (законной) альтернативой - то есть подписание документов при приеме на работу на короткое время и уходе с этой работы по ее выполнении - считается как опасным, так и губительным для ограниченного дохода, который приносит такая работа. Значительное количество времени и беспокойства должно тогда уйти на то, чтобы “отказаться” от одних пособий, обратиться за новыми, затем вновь за старыми. И, конечно, задержки в рассмотрении обращений могут означать времена, когда домохозяйства не имеют ни заработков, ни пособия” (McLaughlin et al. 1989: 83).

Стимул к работе

Как было отмечено выше, определения *underclass*'а, основанные на мошенничестве его членов, сопровождаются страхами, что существует зависимый *underclass*, в котором потенциальные работники предпочитают пособия работе. Менее категоричным вариантом этого утверждения является представление о том, что работники оценивают себя вне связи со своей работой и имеют нереально высокий “идеальный заработок”, то есть минимально приемлемую зарплату. Распространяется ли обязанность работать на любую работу, какими бы ни были условия, или же одним из гражданских прав является право требовать нормальной оплаты - достаточной для обеспечения нормального уровня жизни - и в этом смысле обеспечить соответствие социальным и культурным ожиданиям сообщества, к которому индивид принадлежит? Суждение о рабочих, оценивающих себя вне связи с работой, ни в коей мере не является узкоэкономическим, так как несколько исследований показывают то значение, которое имеет работа для ощущения собственной ценности и гордости от зарабатывания себе на жизнь - что позволяет предположить, что оплата - лишь один из стимулов работать (e.g. Morris, 1985; Deacon and Bradshaw, 1983; Jordan et al., 1992).

Миклрайт (Micklewright, 1986) обобщил результаты некоторых исследований, пытаясь проверить связь между идеальным заработком и пособием, и пришел к выводу, что:

“Данные мелкомасштабных исследований, опубликованных в 80-х гг., явно противоречивы и, опираясь на них, в настоящее время представляется невозможным определить, каково же на самом деле влияние пособия. Общей тенденцией является то,

что в течение 70-х гг. различия в суммах пособий (или их отношение к зарплате) не были связаны с продолжительностью безработицы индивида, получавшего пособие” (с. 69).

Он идет дальше, утверждая, что, “по мнению некоторых, то, что уменьшение пособий произошло в 80-е гг., и то, что это не привело к снижению уровня безработицы, доказывает необходимость более жестких мер”. Так же, как и в американских данных о AFDC, те, кто обращается за пособием, идут не по пути, диктуемому экономическими соображениями, а ценность пособий падает без соответствующего уменьшения числа обращающихся за ними.

В одном исследовании отмечалось, что потенциальная зарплата должна быть больше пособия, причем обращающиеся за пособием должны иметь неполное представление о пособиях, доступных работающему населению в британской системе (Ritchie, 1989). Эта точка зрения сама по себе интересна, так как обычно люди хотят избежать обращения за пособием. Это особенно верно в тех случаях, когда потенциальный проситель лишь недавно остался без работы: тогда он стремится к независимости (Davis and Ritchie, 1988: 6). Обоснованность утверждения об идеальном заработке ставится под сомнение данными нескольких исследований. МакЛоглин и др. (1989), например, получили от безработных мужчин неоднозначные ответы: “Половина определила идеальный заработок выше своего дохода (пособия), а половина - ниже” (с. 98). Хотя в среднем ожидания зарплаты и невысоки по отношению к среднему заработку, они достаточно высоки по отношению к предлагаемой зарплате. Тем не менее, из 30 опрошенных мужчин 19 пытались устроиться на работу с оплатой ниже, чем указанный идеальный заработок, а 5 - на работу с оплатой, равной ему. Исследование, проведенное ранее Отделом здравоохранения и социального обеспечения, показало, что “определяемый самому себе идеальный заработок - плохой советчик при выборе линии поведения перед лицом реальных предложений работы. Судя по их поведению, значительная часть безработных мужчин имеет весьма смутное представление о допустимой оплате” (Moynan et al., 1984: 113). Исследование Маршем (Marsh, 1990) честерфильдского рынка труда показало, что большая часть предлагаемых работ находится за допустимым пределом, определенным Европейским Советом, и многие нанятые зарабатывают меньше, чем могли бы, получая пособие. Тем не менее респонденты выражали удовлетворение своей работой. Исследование Хитом (Heath, 1992) установок *underclass*'а не выявило никаких доказательств существования культуры зависимости и показало низкие стандарты приемлемой работы.

Одним из подходов к проблеме идеального заработка и низкой оплаты является то, что сумма пособия падает достаточно низко для того, чтобы безработные начали соглашаться на работу, о какой они раньше и не подумали бы, а также для того, чтобы для работодателей стало возможным создать рабочие места, которые были бы невозможны при более высокой оплате. Тем не менее, несмотря на снижение в течение последнего десятилетия размера пособий для многих обращающихся за ними, уровень безработицы остался высоким и в настоящее время, после некоторого снижения в конце 80-х, последовавшего за пиком 1986 г., поднимается еще выше. Огромное количество изменений, произошедших за последнее время в системе социального обеспечения безработных, оказалось губительным для последних (Atkinson and Micklewright, 1988), в то время как зависимость суммы пособия от цен, а не от зарплаты, означала, что получатели пособий не разделяют общего повышения уровня жизни, возможного для большинства работников через рост зарплаты, опережающий рост инфляции. Это привело к поляризации общества: большая часть работающего

населения стала более зажиточной, тогда как неквалифицированные рабочие и безработные не получили ничего от общего подъема уровня жизни.

Филд (Field, 1989) использует понятие *underclass*'а для того, чтобы подчеркнуть, что он является не проблемой социального порядка или группой, придерживающейся альтернативной системы ценностей, а включает тех, кто был исключен из участия в процессе растущего процветания большинства населения:

“Их жизнь все более оказывается неявной формой политического, социального и экономического апартеида. Действительно, появление *underclass*'а очерчивает водораздел в британской классовой политике. Сегодня самые бедные отделены не только от других групп с низкими доходами, но и (что является более важным) от рабочего класса” (1989: 4).

Это является попыткой вписать понятие *underclass*'а в более широкое понятие социальной стратификации, основанное на делении на классы.

Теория стратификации и *underclass*

Поместить безработных в классификационную схему, основанную на ранжировании видов деятельности, всегда являлось проблемой, и для ее разрешения некоторые исследователи приняли понятие *underclass*'а. В статье Рансимана (Runciman, 1990) утверждается, что под двумя рабочими классами (то есть классами квалифицированных и неквалифицированных работников ручного труда) существует совершенно явственный “*underclass*”. Этот термин, как он говорит:

“обозначает не группу или категорию рабочих, систематически оказывающихся в неблагоприятном положении на рынке труда, а тех членов британского общества, чьи роли более или менее постоянно помещают их на такой экономический уровень, где государство выплачивает пособия тем, кто вообще не способен действовать на рынке труда. ... Как правило, именно они являются безработными в течение длительного времени” (с. 388).

В другом месте я критиковала эту позицию (Morris and Irwin, 1992), так как, строго говоря, определение Рансимана относится не к безработным, кто, хотя и безуспешно, но, по крайней мере, теоретически являются участниками рынка труда, а скорее к тем, кто более однозначно из него выпадает: престарелым, долгое время болеющим и инвалидам с тяжелыми увечьями.

Смит (Smith, 1992) придерживается подхода, сходного с подходом Рансимана. Он отвергает основанное на культуре *определение* “*underclass*'а” и утверждает: “Понятие *underclass*'а как минимум является дополнением к идее о социальных классах и приобретает свое значение в рамках того же анализа”. С другой стороны, “*underclass* - это те, кто выпадает из этой классовой схемы, поскольку его члены принадлежат к семьям, совсем не имеющим прочной связи со “способом производства” (с. 4). Вопрос, связаны ли культурные различия с определенными классовыми позициями, требует, по его мнению, дальнейшего эмпирического изучения, однако он утверждает, что “уже проведенные исследования показывают значительные культурные различия между социальными классами, затрагивающие все сферы жизни” (с. 5). Основой социального класса он считает специфику культуры и стабильность членства.

Гэлли (Gallie, 1988) также считает проблему культурной сплоченности или коллективного самосознания определяющим критерием существования “*underclass*'а”. Он начинает с определения, предложенного Гидденсом (Giddens, 1973) и однозначно

отвергнутого Рансиманом: “Underclass” сформирован людьми, занятыми самыми низкооплачиваемыми видами деятельности, постоянно безработными или полубезработными в результате их “разрушающейся” культуры рыночного поведения” (Gallie, 1988: 465). Он пытается решить вопрос, являются ли “гибкие” (то есть нестандартные) типы занятости и длительная безработица, характерные для рынка труда 80-х гг., достаточным основанием для формирования отчетливого underclass’а в понимании Гидденса. Он приходит к выводу, что структурная позиция существует, а культурная подоплека - нет. Население, наиболее подверженное ненадежным и/или нестандартным типам занятости, - это этнические меньшинства, женщины, а также неквалифицированные белые мужчины, принадлежащие к рабочему классу. Однако он предполагает, что по различным причинам, связанным с внутренней раздробленностью или недостатком сплоченности, ни одна из этих групп не обладает достаточным потенциалом для развития своей особой культуры или сознания.

В заключение Гэлли утверждает, что предсказания относительно образования в будущем underclass’а строились на сложении всего опыта, пережитого на рынке труда самыми разными группами, - что вело к недооценке их внутренней разнородности и возможного разнообразия интересов. Маловероятно, что появится коллективное самосознание безработных или тех, кто на рынке труда поставлен в особенно неблагоприятное положение. Здесь Гэлли касается проблемы, которую затрагивал Ганс (Gans 1990: 274): “Underclass - это совершенно явно синтезирующий термин, сваливающий в одну кучу самых разных людей”. В Великобритании дискуссия была более четко разделена, с одной стороны, на проблемы технического характера, касающиеся классификационной схемы и классовобразования, а с другой, - на политические и риторические проблемы социального порядка и угрозы, которую представляет собой появляющийся (предположительно) “underclass”. Разногласия по поводу определения напоминают уклончивую политику либерализма 70-х гг., заклеившую Уилсоном. Однако главный вопрос двигает всю дискуссию дальше: где можно (если можно вообще) провести грань между стандартными позициями социального класса и исключенным “underclass’ом”?

Одна из проблем определения возникает из понимания underclass’а, включающего в него наряду с не имеющими работу в течение длительного времени тех, кто работает недостаточно, и тех, кто имеет ненадежную работу. Мое собственное исследование в Хартлпуле (Morris and Irwin, 1992) показывает, что, хотя и существует заметная часть населения, страдающая от частой и вынужденной перемены работы, она существенно отличается от безработных в течение длительного времени. Среди тех, кто имеет ненадежную работу, намного больше квалифицированных работников, и периоды, которые они проводят без работы, временны. Они переживают безработицу, и хотя найденная впоследствии работа часто оказывается ненадежной, их поиск работы более успешен, чем у группы не имеющих работу долгое время. Социальный состав этой группы сходен с социальным составом группы работников ручного труда, имеющих надежную работу; обе группы состоят преимущественно из квалифицированных рабочих, однако дробная история занятости индивидов, имеющих ненадежную работу, показывает, что у них больше шансов ее потерять.

Можно сказать, что рабочие, имеющие ненадежную работу, являются частью underclass’а в понимании Гэлли, а не Рансимана, - вследствие их постоянной нестабильности и регулярно повторяющихся периодов безработицы. Поэтому они отделены от тех, кто имеет надежную работу, хотя если исходить из их квалификации, то и тех и других следовало бы отнести к одной группе. С другой стороны, по сравнению с безработными в течение длительного времени, они находятся в гораздо

более выгодном положении, как в силу того, что они обладают статусом квалифицированного работника, так и в силу легкости, с какой они находят работу. Таким образом, эти группы нельзя отнести вместе к одной общей категории “underclass’a”. Также представляется неверным использовать этот термин для обозначения безработных в течение длительного времени, положение которых объясняется упадком местной экономики, а уязвимость - недостатком квалификации и скудностью неформальных рыночных связей.

При построении классовой схемы безработного принято помещать в позицию, соответствующую его обычному виду занятий или последней работе. Те, кто не работали никогда и кому не достает специфичного образования, оказываются проблемой, хотя большинство безработных в течение длительного времени и не относится к этой категории. Выше мы отмечали сильную корреляцию между недостатком квалификации и безработицей. Как я предполагаю, возможной причиной большого количества безработных среди неквалифицированных рабочих является то, что они имеют больше всего шансов потерять работу, будучи, с точки зрения работодателя, наиболее легко заменимыми. Как низкооплачиваемые работники они влекут меньше всего расходов в случае их сокращения. При объяснении их опыта на рынке труда или его подспудной динамики бессмысленно отделять таких работников от их принятой классовой позиции неквалифицированных работников и определять их как “underclass”.

В контексте вышеизложенной дискуссии первоначальное назначение термина “underclass” часто смещается. Проблемы, которые обычно ставились при изучении underclass’a, касались преимущественно социального порядка и поддержания господствующей системы ценностей, а не социального класса, строго говоря. Одна из них касается того, насколько поставленные в наиболее неблагоприятное, с материальной точки зрения, положение активно уклоняются от норм и ценностей, одобряемых обществом в целом. Вслед за этой проблемой встает вопрос: на какой стадии пребывания в неблагоприятном положении становится бессмысленным ожидать такого нормативного участия? Отдельная проблема - как соотносить исключенных из стандарта, лишенных надежной работы с принятой концептуализацией социального класса.

Литература

- Atkinson, A.B. and Micklewright, J. (1988) *Turning the Screw*, Discussion paper TIDI/121, Suntory-Toyota International Centre, London School of Economics.
- Auletta, K. (1982) *The Underclass*, N.Y.: Random House.
- Banfield, E. (1968) *The Unheavenly City*, Boston: Little Brown.
- Brown, J. (1990) “The Focus in Single Mothers” in Murray (1990).
- Buck, N. (1992) “Labour market inactivity and polarisation” in D.J. Smith (ed.), *Understanding the Underclass*, London: Policy Studies Institute.
- Cooke, D. (1989) *Investigating Tax and Supplementary Benefit Fraud*, London: Routledge.
- Dahrendorf, R. (1985) Letter to *The Times*, 2 June.
- Davies, C. and Ritchie, J. (1988) *Tipping the Balance*, London: DHSS/HMSO.

- Deacon, A. and Bradshaw, J. (1983) *Reserved for the Poor*, Oxford: Basil Blackwell and Martin Robertson.
- Department of Employment (1988) *Employment in the 1990s*, Cm 540, London: HMSO.
- Fainstein, N. (1987) "The underclass mismatch hypothesis as an explanation for black economy deprivation", *Politics and Society*, 15: 403-51.
- Field, F. (1989) *Losing Out*, Oxford: Basil Blackwell.
- Gallie, D. (1988) "Employment, unemployment and social stratification" in *Employment in Britain*, Oxford: Basil Blackwell, 465-92.
- Gans, H.J. (1990) "Deconstructing the underclass", *Journal of the American Planning Association*, 56: 271-7.
- Gershuny, J.I. (1979) "The informal economy: its role in post-industrial society", *Futures*, 12: 3-15.
- Giddens, A. (1973) *The Class Structure of the Advanced Societies*, London: Hutchinson.
- Gilroy, P. (1989) *There ain't no Black in the Union Jack*, London: Routledge.
- Heath, A. (1992) "The attitudes of the underclass", in Smith (1992).
- Hogan, D.P. (1983) "Structural and normative factors in single parenthood among black adolescents", paper presented at ASA annual conference, San Antonio.
- Hogan, D.P. and Kitagawa, E.M. (1985) "The impact of social status, family structure and neighbourhood on the fertility of black adolescents", *American Journal of Sociology*, 90: 825-55.
- Jencks, C. (1992) *Rethinking Social Policy*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Jordan, B., James, S., Kay, H. and Redlay, M. (1992) *Trapped in Poverty*, London: Routledge.
- Kasarda, J.D. (1980) "The implications of contemporary redistribution trends for national urban policy", *Social Science Quarterly*, 61: 373-400.
- (1985) "Urban change and minority opportunities", in P.Peterson (ed.), *The New Urban Reality*, Washington DC: Brookings Institute.
- (1986) "The regional and urban redistribution of people and jobs in the US", paper for the National Research Council on National Urban Policy, National Academy of Sciences.
- (1989) "Urban industrial transition and the underclass", *Annals of the American Academy of the Political and Social Sciences*, 501: 26-47.
- Katz, M.B. (1989) *The Undeserving Poor*, N.Y.: Pantheon Books.
- Lane, R. (1985) *The Roots of Violence in Black Philadelphia*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Lewis, O. (1968) *A Study of Slum Culture*, N.Y.: Random House.
- MacGregor, S. (1981) *The Politics of Poverty*, London: Longman.
- McLaughlin, E., Millar, J. and Cooke, K. (1989) *Work and Welfare Benefits*, Aldershot: Avebury.
- Marsh, C. (1990) "The road to recovery", *Work Employment and Society*, 4: 31-58.

- Marshall, T.H. (1950) *Citizenship and Social Class*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Micklewright, J. (1986) *Unemployment and Incentives to Work: Policy Evidence in the 1980s*, Discussion Paper 92, ESRC Programme on Taxation Incentives and the Distribution of Income, London: London School of Economics.
- Morris, L.D. (1984) "Redundancy and patterns of household finance", *Sociological Review*, 32: 492-522.
- (1985) "Renegotiation of the domestic division of labour", in B. Roberts, R. Finnegan and D. Gallie, *New Approaches to Economic Life*, Manchester: Manchester University Press.
- (1992) "The social segregation of the long term unemployed", *Sociological Review*, 38: 344-69.
- Morris, L.D. and Irwin, S. (1992) "Employment histories and the concept of the underclass", *Sociology*, 26: 401-20.
- Moylan, S., Millar, J. and Davies, B. (1984) *For Richer For Poorer: DHSS Cohort Study of Unemployed Men*, London: HMSO.
- Murray, C. (1984) *Losing Ground*, N.Y.: Basic Books.
- Murray, C. (1990) *The Emerging British Underclass*, Choice in Welfare Series No. 2, London: Heath and Welfare Unit, Institute of Economic Affairs.
- Pahl, R.e. (1980) "Employment, work and the domestic division of labour", *International Journal of Urban and Regional Research*, 4: 1-20.
- (1984) *Divisions of Labour*, Oxford: Basil Blackwell.
- Piven, F.F and Cloward, R.A. (1971) *Regulating the Poor*, N.Y.: Pantheon Books.
- Rex, J. and Moore, R. (1967) *Race, Community and Conflict*, London: Oxford University Press.
- Rex, J. and Tompkinson, S. (1979) *Colonial Immigrants in a British City*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Ritchie, J. (1989) *Thirty Families*, London: HMSO.
- Runciman, G. (1990) "How many classes are there in British society?" *Sociology*, 24: 378-96.
- Rutter, M. and Madge, N. (1976) *Cycles of Disadvantage*, London: Heinemann.
- Smith, D.J. (ed.) (1992) *Understanding the Underclass*, London: Policy Studies Institute.
- Stack, C. (1974) *All Our Kin*, N.Y.: Harpers.
- Wacquant, L.J.D. and Wilson, W.J. (1989) "The costs of racial and class exclusion in the inner city", in *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 501 (January): 8-25.
- Wilson, W.J. (1978) *The Declining Significance of Race*, Chicago: University of Chicago Press.
- (1987) *The Truly Disadvantaged*, Chicago: University of Chicago Press.
- (1991) "Studying inner-city dislocations", *American Sociological Review*, 56: 1-14.